

Л.Ф. Попова, Е.Л. Кубель

НАГРУДНИК В ДЕВИЧЬЕМ / ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Изучение традиционного костюма народов Средней Азии и Казахстана как одного из наиболее сложных феноменов региональной культуры не теряет своей актуальности, в том числе и по причине слабой освещенности ряда аспектов его бытования. Данная работа посвящена такому компоненту девичьего и женского костюма народов Средней Азии, как нагрудник, который еще не являлся предметом специального исследования. Более того, именно вокруг этого элемента костюма в этнографической литературе сложилось поле неточностей, что можно объяснить как довольно узким кругом источников, так и спецификой исследовательских подходов. Безусловно, при общем панорамном анализе региональных особенностей костюма сложно уделить достаточное внимание его деталям. Так, О.А. Сухарева в программной статье «Опыт анализа покровов традиционной туникообразной среднеазиатской одежды...» отметила, что «у подавляющего большинства этнических и локальных групп форма ворота имела не этногенетическое, а функциональное значение: вертикальный ворот делали для кормления ребенка грудью, поэтому он был характерен для одежды женщин-матерей; у мужчин и девушек, а также у молодух до рождения первого ребенка ворот был горизонтальный» [Сухарева 1979: 81]. Ввиду обобщающего характера статьи автором была предложена преобладающая модель, которая больше применима к населению оазисов и ираноязычным горцам, в то время как девичьи платья значительной части тюркских этносов имели вертикальный ворот, который закрывался нагрудником.

Большинство авторов справедливо считают нагрудник одним из наиболее архаичных элементов тюркского костюма. Например, нагрудник в скифском девичьем и женском костюме документирован материалами Пазырыкских курганов. Как хорошо

известно, скифский субстрат сыграл весьма важную роль в культурогенезе тюркских народов Средней Азии.

С точки зрения бытования нагрудников в тюркском мире в XIX–XX вв. наиболее яркое выражение традиция их ношения получила в регионе Поволжья. В исследовательском фокусе оказались прежде всего башкирские нагрудники, которые были классифицированы и подробно описаны С.Н. Шитовой [Шитова 2006]. С.В. Романовой был рассмотрен хакасский свадебный *пого* и установлена его связь с культом богини Умай [Романова 2001: 98–100]. Задачу нашей работы мы видим в том, чтобы провести классификацию среднеазиатских нагрудников по форме, материалу и декору, а также дать общую региональную картину бытования этого элемента девичьего и женского костюма. В качестве нашего основного источника выступают богатейшие коллекции Российского этнографического музея.

Ведущим классификационным признаком для среднеазиатских нагрудников мы считаем материал — у казахов, каракалпачков и киргизов нагрудник имел текстильную основу, у туркмен и даштикипчакских узбеков он бытовал в виде металлического или бисерного украшения, изоморфного и изофункционального нагруднику из ткани.

Нагрудники из ткани можно разделить на две группы по способу ношения: одни носились на теле под платьем, другие — поверх вертикального ворота. Нагрудники первой группы бытовали в Северо-Западном Казахстане в составе девичьего костюма под термином *онгурше*. Эти предметы имели пятиугольную форму, выполнялись из дорогих престижных тканей (бархат, сукно, полушелк), декорировались галуном. Близкими аналогами казахских нательных *онгурше* являлись женские нагрудники *кокрекче* татар и башкир, у которых они считались наиболее архаичным видом нагрудников. Так, у татарок они входили в комплект смертной одежды. *Онгурше* обязательно носили вместе с воротничком-ошейником *тик жага* [Потто 1877: 167]. Данный тип нагрудника бытовал у казахов вплоть до конца 1920-х годов. Так, С.И. Руденко сообщает, что в Западном Казахстане «под сорочкой девушки местами носят нагрудную повязку *тустык*» [Руденко 1927: 30].

Нательные девичьи нагрудники были известны и северным киргизам, о чем имеется упоминание у Ч. Валиханова: «Говорят, что в прежние годы девицы носили корсеты (затягивали груди), называемые *кокузбек*. Носили также нагрудники, убранные жемчугом, монетою. Называют их *алатамак*. Все это было в старину» [Валиханов 1961: 267]. Судя по всему, названные предметы уже к середине XIX в. вышли из бытования.

Текстильные нагрудники второй группы, носившиеся поверх платья, были известны казахам, каракалпакам и киргизам. Казахские *алка* лапидарно описаны И.В. Захаровой и Р.Д. Ходжаевой — это прямоугольник с пришитыми сверху тесемками или узеньким стоячим воротником с застежкой сзади на шее, иногда со срезанными верхними и закругленными нижними углами [Захарова, Ходжаева 1964: 86]. В северном и центральном Казахстане *алка* сплошь зашивали серебряными монетами и кораллами. Этот вид нагрудников в собрании РЭМ представлен, во-первых, двумя экземплярами лопатообразной формы (один свадебный, возможно татарской работы), во-вторых, предметом в виде длинного языка с нашитым массивным металлическим украшением *онір жіек*, характерным для казахов Прикаспия и Приаралья.

Сведения письменных источников о верхних киргизских нагрудниках очень противоречивы. В 1856 г. Ч. Валиханов делает заключение о сходстве ворота девичьей и женской рубахи, а художник Кошаров в своем этнографическом альбоме фиксирует манишку с вышивкой, но по его рисунку не ясно — съёмная она или нашивная [Абрамзон 1953: 154]. В собрании РЭМ имеются уникальные съёмные нагрудники северных киргизов, вышитые тамбуром или швом *терскайык* — очень редким счетным швом, применявшимся на севере только для вышивки нагрудников, а на юге — наушных частей нижних женских шапочек *кеп чач*. Использование архаичного счетного шва роднит киргизские и каракалпакские нагрудники.

В культуре каракалпаков девичьи *онгирше* бытовали вплоть до начала 1930-х годов (см. фото МАЭ, колл. № 4076-178). Самый распространенный тип *онгирше* представлял собой прямоугольный кусок ткани на завязках или широкой лямке с треугольным выступом на конце. РЭМ обладает двумя редкими экземплярами

нагрудников из синей хлопчатобумажной ткани, украшенных вышивкой счетным крестом шелковыми нитками. Эти материалы и техники декора считаются у каракалпаков самыми древними. Следует обратить внимание на лунную символику в системе декора каракалпакского девичьего нагрудника, которую неожиданно можно усмотреть в треугольном выступе, иногда сделанном из другого материала, обычно красного и черного сукна (РЭМ, колл. № 7128-116). Термином *айшык* («маленькая луна») в каракалпакском языке обозначаются предметы треугольной формы выраженного апотропейного значения (текстильный треугольник на дверях юрты или на спинке мужской/детской верхней одежды). В то же время треугольник, обращенный вершиной вниз, — это знак женского начала, плодородного лона и символизирующей его луны. Именно ночное светило в каракалпакском фольклоре связано с рождением детей.

Другой вид каракалпакских нагрудников изготавливали из красного сукна домашней выделки, украшая их вышивкой разными вариантами тамбурного шва. На праздничный нагрудник девушек брачного возраста нашивали сложный набор специальных девичьих украшений: застежку *айшык*, разные виды блях *туйме*, куполообразную подвеску *онгирмоншок* и восьмеркообразную подвеску *гилтилгыш*, которые дополнялись нашитыми монетами и штампованными бляшками.

О вариативности форм каракалпакских нагрудников свидетельствует уникальный предмет из собрания РЭМ (колл. № 7128-188), ранее не отмеченный в исследовательской литературе. Предмет состоит из пары узких полос красного сукна, окантованных тесьмой зеленого цвета и украшенных хорезмийскими монетами, а также штампованными бляшками *туйме* и *бока-туйме* (каракалп. «бляха в форме лягушки»). Сакрализация образа лягушки обусловлена его связью с идеей плодородия и материнства. У каракалпаков сохранились архаичные представления о лягушке как о прародительнице мира. Орнамент *курбака* («лягушка») традиционно присутствует в вышивке праздничной одежды женщин фертильного возраста. Бляхи *бока-туйме* как оберег вплоть до 1960-х годов нашивали на спинку детской одежды [Кубель: 29].

В тексте неизданной диссертации А.С. Морозовой имеется интересное свидетельство о наличии у каракалпаков девичьего нагрудника не на текстильной основе: «В других случаях *онгур* делался без матерчатого остова: к металлической тонкой пластинке, сплошь покрытой рядом припаянных монет, подвешивались на тонких серебряных цепочках четыре ряда монет, образующих усеченный треугольник. Заканчивалось украшение цепочками и мелкими колечками» [Морозова 1956: 152]. Под этим углом зрения можно рассмотреть и туркменские материалы.

Нагрудник из металла *буков*, состоящий из ошейника (!) и нагрудной пластины, составлял яркую особенность девичьего костюма таких крупных туркменских племен, как текинцы и йомуды. Его начинали носить девушки, достигшие половой зрелости, причем в паре с наспинным украшением, что находит полную аналогию у башкир.

У тех групп туркмен, которые обитали в бассейне средней Амударьи, тяжелые металлические украшения были распространены гораздо меньше. В их культурной традиции металл был замещен бисером — девушки носили шейную полоску *гаргалык* («ошейник») и небольшой нагрудник из бисера. В качестве переходного варианта от текинской традиции к амударьинской можно считать традицию сарыков, у которых девушки носили бисерный *гаргалык*, но на спинку верхней одежды нашивали тяжелые металлические украшения. Здесь же уместно упомянуть и каракалпакский нагрудник в виде бисерной сетки на тканевой подкладке, зафиксированный в собрании РЭМ (колл. № 7128-117).

Чем ближе к верховьям Амударьи, тем большее распространение получает бисер как излюбленный материал девичьих украшений. В Байсунском р-не Сурхандарьинской обл. у узбеков-кунградов девичья бисерная шейная полоска и в настоящее время дополняется к свадьбе нагрудником из бисерной сетки. В Южном Таджикистане, как и во всем иранском мире Средней Азии, бисерный девичий ошейник был распространен повсеместно, однако бытование нагрудника не отмечено.

Суммируя изложенный материал, предлагаем предварительные выводы.

1. Нагрудник в женском костюме народов Средней Азии и Казахстана бытовал только у тюркских этносов, причем являлся достоянием определенной социально-возрастной категории, а именно — девушек, невест и молодых женщин.

2. Именно в костюме этой группы ярко проступает образ защитного доспеха, и нагрудник (иногда с наспинным украшением) вполне органично входит в этот семантический контекст. Здесь уместно привести параллель со снаряжением ловчей птицы, которое также может рассматриваться как своеобразный доспех: у птицы имелся кожаный ошейник *жага*, круглый диск-нагрудник, колпачок *тумага* («шлем») [Симаков 1998: 240–242].

3. В контексте поэтики девичества мы склонны рассматривать комплекс из шейного украшения и нагрудника также в качестве символа стеснения телесности, на которую девушка до свадьбы не имела права [Чеснов 1998: 221].

4. В этнокультурном аспекте нагрудник может быть отнесен к дифференцирующим признакам этнических/локальных культур региона, поскольку у каждого из его тюркских народов или их групп данный предмет имел выраженные своеобразные черты.

5. Девичьи/женские нагрудники народов Средней Азии и Казахстана могут быть рассмотрены и как индикаторы территориально-культурных связей региона с соседними областями. Так, у части туркмен очевидна общность с дагестанскими и поволжскими традициями, что уже было подчеркнуто Васильевой при анализе головных украшений [Васильева 1979: 200]. У казахов явственны связи с татарско-башкирской общностью, у каракалпаков и киргизов можно отметить как поволжские, так и переднеазиатские черты. Нагрудники тюркского населения бассейна Амударьи в большей или меньшей степени тяготеют к традициям иранского мира.

Источники и библиография

Абрамзон С.М. Этнографический альбом художника П.Н. Кошарова // Сборник МАЭ. М.; Л., 1953. Т. XIV.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Алма-Ата, 1961. Т. 1.

Васильева Г.П. Головные и накосные украшения туркменок XIX — первой половины XX в. // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.

Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда. Алма-Ата, 1964.

Кубель Е.Л. Полевой дневник экспедиционной поездки в Республику Каракалпакстан 2012 г. // Научный архив РЭМ.

Морозова А.С. Культура домашнего быта каракалпаков в конце XIX — начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1956.

Потто В. Из путевых заметок по степи // Военный сборник. 1877. № 11.

Романова С.В. Нагрудное украшение *ного* в свадебном обряде хакасов // Ювелирное искусство и материальная культура: Тез. докл. участников восьмого colloquium (11–16 октября 1999 г.). СПб., 2001.

Руденко С.И. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза // Казаки. Антропологические очерки. Л., 1927.

Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб., 1998.

Сухарева О.А. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.

Чеснов Я.В. Лекции по этнологии. М., 1998.

Шитова С.Н. Башкирские нагрудные украшения. Уфа, 2006.

В.А. Прищепова

АМУЛЕТЫ БУХАРСКИХ ЕВРЕЕВ (по фотоколлекции Кунсткамеры)

В отделе Центральной Азии МАЭ хранится фотоколлекция, в состав которой входят снимки амулетов бухарских евреев Самарканда.

До настоящего времени освещение культуры бухарских евреев не давало полноценного представления обо всем объеме культурного наследия этого народа. В монографии Т.Г. Емельяненко, посвященной традиционному костюму бухарских евреев, эта этноконфессиональная группа охарактеризована достаточно полно — как самобытная этнокультурная общность [Емельянен-